

ОТ АВТОРА

Началось все с того, что в детстве родители привили мне интерес к чтению. Мальчишкой я прочитал «Сияние» Стивена Кинга, и это — без преувеличения — перевернуло мою жизнь, побудив заниматься литературным творчеством. В итоге я там, где я есть сейчас. Не знаю, где окажусь завтра, но хочу сказать спасибо моему хорошему другу и редактору Илье Попену, работающему со мной все эти годы, и научному руководителю Виктору Михайловичу Сорокину. Именно эти два человека настаивали на том, чтобы я прекратил писать в стол. И вот перед вами сборник современной литературной готики, в авторском ее понимании. Я имею в виду смесь психологического реализма и мистики, слегка приправленную постмодернизмом.

Вообще, готическая проза — известное явление в мировой литературе, зародившееся в XVIII веке (пожалуй, с «Мельмота Скитальца» Чарльза Метьюрина). Можно сказать, что готическая проза стала основой для литературы сверхъестественного ужаса, хорошо знакомой многим по произведениям Стивена Кинга, Говарда Лавкрафта и других мастеров жанра.

Будучи крайне популярной не только в Англии и Франции (упомяну «Поворот винта» Генри Джеймса, рассказы Амелии Эдвардс или «Эликсир долголетия» Оноре де Бальзака), она имела успех и у нас, по преимуществу в царской России, возбудив умы именитых писателей той поры. Было бы неправильно умолчать о таких бриллиантах, как «Блаженство безумия» Н.А. Полевого и «Штосс» М.Ю. Лермонтова. Мне легко вспоминаются «Вий», «Нос» и «Шинель» Н.В. Гоголя, «Пиковая дама» А.С. Пушкина. С удивлением нашел у И.С. Тургенева готические произведения («Призраки», «Песнь торжествующей любви», «Рассказ отца Алексея»). Уверен, каждый из вас может продолжить этот список.

Все три рассказа и три повести, составляющие мою дебютную книгу, занимают особенное место в сердце. Они были написаны с

2011 по 2014 год. В работе над книгой помогли и личный опыт, и профессиональные психологические знания в сочетании с жизненным опытом. Я не всегда знаю, чем закончится история и куда придет ее герой на последней странице. Но знаю, что прекрасные иллюстрации Дениса Араева привнесли иное, визуальное измерение в каждую из них. Считаю себя литератором, а не нахожу слов, чтобы выразить всю благодарность художнику. Равно как и тем, кто меня любит и поддерживает все эти годы.

«Историю, рассказанную человеком средних лет» меня побудила написать потеря близкого друга, ушедшего из жизни в 2009 году (если вы любите английские ghost stories, то заметите, что все исполнено по канонам жанра). С последующими своими творениями я начал искать собственный стиль, экспериментируя с композицией и не стесняясь выносить к обсуждению злободневные темы. В их числе проблемы взаимоотношений в семье (повести «Измена» и «Ответ», касающиеся запретной любви), дискриминации социально незащищенных слоев населения («Жизнь на грани»), влияния СМИ на массовое сознание и последствий употребления наркотиков молодыми людьми (рассказ «Карикатура»).

За десять лет творческой деятельности я пришел к выводу, что автор занимается творчеством, когда не представляет без него своей жизни. А оно, на мой взгляд, — диалог человека с человеком посредством произведений искусства. На этом заканчиваю предисловие, и потом мы посмотрим, как написанное отзовется в ваших душах.

**ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ
ЧЕЛОВЕКОМ СРЕДНИХ ЛЕТ**

Что касается жизни в интернате (если и начинать эту историю, то именно с рассказа о ней), она... достаточно своеобразна. Не знаю, учились ли вы в таких местах, но на мою долю выпало жить в таком, какой лучше всего сравнивать с тюрьмой. Почему?

Во-первых, за тобой наблюдают. Контроль воспитателей, большинство из которых пожилых лет и не имеют педагогического образования, что оправдывает их схожесть с тюремными надзирателями. Контроль медсестер (которым больше негде работать, видимо) местного изолятора (в шутку мы прозвали это место «карцером»), в который мы попадали с высокой температурой и лечили себя преимущественно силой духа. Контроль нянечек, которые дежурили по ночам, чтобы в спальнях была тишина (а на этаже видимость порядка). Внешне несвободны мы были точно. Чтобы выйти за территорию школы, приходилось отпрашиваться у воспитателей. Но, разумеется, уходили и без спроса.

Во-вторых, наличие распорядка дня, что обычно для школ такого уклада. Необычно то, что любое событие — будь то обед, перемены или подъем, — отмеченное в распорядке дня, сопровождалось громким звоном звонков, расположенных по всей школе, уж простите за тавтологию. Собственно, в этом и состояли обязанности вахтера — следить за порядком на первом этаже, давать вовремя нужные звонки, делать, даже когда не следует, ненужные (не помогающие) замечания непослушным детям, выдавать сотрудникам ключи от кабинетов и прочих помещений и «сидеть на телефоне». «Сидеть на телефоне», впрочем, отнюдь не означало табу на использование его в своих целях.

К слову, о вахтерах. Самому молодому из них, мужчине, было слегка за тридцать, а остальные, женщины, чем старше, тем неадекватнее. Что логично. Одна из таких бабушек, как говорили о ней те, кто жил с ней по соседству и опять же работал в этом богобоязненном месте, несмотря на свой преклонный возраст, имела нескольких любовников, причем большинство из них она свела

в могилу. Я сказал «большинство», интересно, а сколько их у нее тогда вообще было? Правда это или нет, но говорили, что она — Дон Жуан в женском обличье (сравнили так сравнили!), и один из ее мужиков повесился, другой — утопился, а что самое пикантное — от третьего она в халате из Нового Петергофа в Старый Петергоф пешком босиком ушла. Босиком, в халате, в начале января. «Credo quia absurdum est»*, — сказал бы на это Тертуллиан**. И, вне зависимости от того, поверите вы мне на слово или нет, был бы прав.

Да, и пока помню. Сама школа располагалась в П-образном трехэтажном здании из белого кирпича. Три крыльца. Парадные окна центральной части дома выходили на маленькое футбольное поле. Вокруг этого поля была дорожка, по ней мы начинали бег вокруг школы на уроках физкультуры. Ограждение, правда, без колючей проволоки, — говорящий позволил себе улыбнуться, — а за ней парк, к которому мы еще вернемся, железнодорожная станция и шоссе, ведущее в город.

В-третьих, школа напоминала тюрьму еще и тем, что еда казалась что в интернате, что «за решеткой» примерно одинаковой. Мы так подозревали (кто «мы»? мы — это «мое окружение + я»). Потому что, может, кому-то и нравилось, как его кормили, но не мне. Но есть было можно. А кормили всем чем ни попадя — на утро обязательно каша (за исключением воскресенья — тогда по оригинальной традиции нам готовили омлет), булка с маслом и какао; на второй завтрак — бутерброд с сыром или колбасой или творог со сметаной и чай; на обед — суп на первое и что-нибудь на второе; а ужин был апофеозом всего дня. Вот приходишь ты с «прогулки по распорядку дня» в столовую, а там... в худшем случае тебя ждут селедка и винегрет или резиновые оладьи, а в лучшем — макароны с сыром или гречка с сосисками. Ну, не мне вам объяснять.

Вы можете посчитать, что все эти подробности лишние и несущественные для той истории, которую собрались от меня услышать, но уверяю вас — они необходимы. Так или иначе, постараюсь закругляться с описаниями и перейти к делу.

Хотя, когда вспоминаю все, о чем говорю в этой комнате вам спустя все это время, — до сих пор мурашки по коже, и еще пони-

* Верую, ибо абсурдно (лат.) (здесь и далее примеч. авт.).

** Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан — выдающийся раннехристианский писатель и богослов, живший во II-III вв. н. э.

маю, что все бы отдал порой за то, чтобы никогда не вспоминать тот абсурд, в котором я оказался. Потому что время ничего не меняет. Это меняемся мы, становясь старше, стареем, думая, что что-то значим для других.

Сидящие в комнате люди переглянулись, кто-то занервничал, начав ерзать на стуле. «Интересно, вот рассказываю я им это, вижу их наверняка в последний раз, они это все понимают, но придуют ли этому значение? Или воспримут мою историю как простую байку и продолжат жить как раньше?» — думал рассказчик, прервавшись.

— Все... нормально. Мы слушаем. Я, по крайней мере, точно, — сказал невысокий парень лет двадцати пяти. Выглядел он слегка уставшим, но это была скорей мистическая усталость, — его загорелое лицо (загар его старил), светлые волосы и внимательный грустный взгляд намекнули бы вам на это.

Иногда намеки — это все, что у нас есть. И иногда их уже достаточно, чтобы понять правду. Остальные едва заметно кивали головами — либо они были заинтересованы, либо просто стеснялись уйти отсюда.

И тут, как раз вовремя, один мужчина лет сорока из присутствующих в комнате неуклюже зевнул, встал со своего места, сказав что-то вроде: «Под Амелию Эдвардс* косишь, с ее рождественскими историями? О-очень по-южному! Скука тут у вас, лучше спать пойду» — и был таков.

Куда этот гражданин отправился, непонятно, учитывая, что за окном шел проливной дождь (и заканчиваться, видимо, не собирался), но из комнаты отдыха его как ветром сдуло. Может, и правда — вернулся в свой номер да спать лег.

Женщина пенсионного возраста слегка усмехнулась, но слушать историю осталась. Как и остальные — парень и еще две девушки, его ровесницы.

С этими двумя все было ясно — им бы только нервы пощекотать. Но реплика парня сыграла свою роль, и человек, сидящий за столом возле окна, но так, чтобы всех было видно, продолжил:

* Амелия Эдвардс (1831-1892) — английская писательница, работавшая в основном в русле английского рассказа о привидениях и готической прозы.

— Все эти сравнения с тюрьмой я сделал лишь для того, чтобы вы понимали всю ту атмосферу, в которой я находился. В которой мы находились... Все, кто там был. Но не все ее чувствовали. Ужасно чувствовать все это, но, с другой стороны, не чувствовать еще хуже. Это как идти к пропасти, не зная, что ты слепой. Так можно думать, что пропасти-то и нет. А самое страшное — это усомниться в том, что все это было на самом деле. Ведь прошло уже после всех этих событий больше двадцати лет. Насчет столовой, прибавьте к неординарной пище то, что нужно дежурить, накрывая на столы, а раз в месяц ее всем классом подметать. Прибавьте к этому, что в качестве наказания — за двойку или плохое поведение — мы мыли там полы, и поймете, каково нам жилось. — Он на пару мгновений замолчал, собираясь с мыслями. В голове крутилось слово «метафизика». — Все знают, что такое метафизика? — спросил он у собравшихся.

— Ну да... Это философское, — сказала одна из девушек. — То, что над физикой, как бы не ограничивается ею.

— Да, именно. Молодец. Из того, что я сейчас рассказал о школе, где все это произошло, метафизического ничего и нет. Вроде. Атмосфера мне не нравится, ну и что дальше? А дальше ни одного слова впустую. Только не перебивайте. Сказки — и те рассказывать бывает не просто, а такое так вообще...

Все согласились, и вот тут-то и началась его настоящая история.

2

Артур при своей кажущейся немногословности всегда был очень общительным. Мы любили с ним сидеть напротив вахты и говорить о том о сем: то о девочках, то об обстановке в школе, почти никогда о политике — только если смотрели вместе телевизор, — ну и обо всем остальном. Разумеется, когда он был свободен от работы. Мой друг жил в Кингисеппе, а работал компьютерщиком в школе. Кингисепп далековат от Петербурга, и потому ему, как хорошему сотруднику, предоставили комнату на втором этаже интерната, в спальном блоке мальчиков. А раньше, до работы в школе, он тут еще и учился.

— Раньше здесь было многое по-другому, — сказал он мне однажды, когда время уже шло к отбою, в одной из первых наших с ним бесед. Помню, что это зимой было. В тот раз мы встретились совершенно случайно, возле изолятора, и сели поболтать на лавку. Так, чтобы видеть черную лестницу, просматривать коридор столовой. В общем, чтобы обзор был. — У нас был коллектив. А у вас сейчас — одно название. Все иначе. Индивидуальностей по школе человек двадцать, которые и вправду способны на что-то хорошее. И на дружбу.

Я понимающе кивнул:

— Как Вася и Миша?

— Ну если говорить о дружбе, то да. Они считаются. Всегда думают друг о друге. Не то чтобы педики...

Мы засмеялись.

— Хотя кто знает? — продолжил шутку я.

И мы снова серьезные. Как Фрай и Лори в том старом шоу, в котором они еще шпионов играли.

— А насчет Николаевича... Понимаешь, я сейчас учусь жить двойной жизнью. Для начальства я один, а на самом деле я другой. Очень полезно. И это дает тебе преимущество.

Этот трюк был для меня не нов, но я уважал начинающее крепнуть доверие Артура ко мне и не стал говорить, что эта тема мне уже знакома. Я только добавил в знак согласия:

— Время...

— Да, и время. Что делает Николаевич в школе, я уже начинаю потихоньку понимать. И здорово, что он не догадывается об этом.

Николаевич был у нас в школе завучем и параллельно учителем информатики. Как человек он был неплохой, но со своими странностями. Так что говорили о нем всякое. Вот и у меня были свои догадки о его персоне. Я, честно сказать, не знаю, чем мы все будем заниматься после того, как закончится сей рассказ, но запомните, пожалуйста, одно навсегда: правда начинается с сомнения. Думаю, когда-то человека обманули. Впервые. Он засомневался и с тех пор ищет правду. Что-то я опять ухожу в сторону. Так вот. В Николаевиче я сомневался. Я всегда доверял своей интуиции, а ей казалось, что он не был искренним. И после этого я в нем засомневался. Ну и из-за своего любопытства я хотел докопаться до истины. Загадку разгадать удалось. Если правда то, что я услышал от одной молодой учительницы (а может, вся та история —

вымысел ее скверного характера?), то он периодически домогался новых сотрудниц школы. И ее тоже. В любом случае это банальщина и не мое дело.

Поэтому тем вечером Артуру я ничего об этом не сказал. Да мы и так, чтобы вы знали, понимали друг друга все лучше и лучше. Что-то нас сплачивало. А что — не могу понять до сих пор.

— А что он, по-твоему, делает? — спросил я своего друга, слишком резко, как тогда показалось. Бывают такие вопросы, которые кажутся бессмысленными, но задать их надо, чтобы разговор продолжился.

— Потом, — отмахнулся он от меня, — может, сам все узнаешь. Всему свое время. Не просто так об этом говорится...

— Ладно, как скажешь, — ответил я ему.

— Единственное, о чем я начал жалеть, так это о том, что Черникова научил как надо разговаривать с Ниной Олеговной, чтобы при любом раскладе получить желаемое.

Черников — местный мажор, сирота, выпускавшийся в тот год из школы. А Нина Олеговна — это директор того интерната. И когда я туда попал, она там уже работала. Кстати сказать, кое-кто из ребят говорил, что до нее директором был другой человек. И мужчина. По тому, что мне удалось о нем узнать, создавалось впечатление, что его любили и дети, и работники образовательного учреждения.

— А... Это из-за того, что он может теперь намеренно или нет понаставлять тебе палки в колеса?

— Типа того. Я всегда говорю, что «настоящее образование — это самообразование». Но и о воспитании забывать не надо. Мы же в школе. А Черников может об этом позабыть. Хотя, если что, ситуацию я, конечно, выправлю.

— Да, Толик, он проблемный, тут и к бабке ходить не надо... — сказал я и посмотрел на часы. Было без десяти десять.

— Щас тебе попадет, — понимающе, но не одобрительно сказал мне Артур.

— Да. А вообще странно, что меня уже не ищут. Обычно Маринка более мобильна. — Мы встали с лавки. Маринкой мы называли Марину Александровну. Как воспитательница она была просто цербер. Ну и ума не особо далекого, вы уж простите, что даю ей оценку.

— Ясно. Пойду я тогда к Нине Олеговне в кабинет. Надо ее компьютер перебрать. Пока, Алексей. Рад, что тебе не страшно со мной общаться. — Он улыбнулся, и мы пожали друг другу руки.

— А чего страшного? С тобой интересно. Пока, Артур, — ответил я, и мы разошлись в разные стороны.

Тем вечером мне так и не попало. Удачно отмазался тем, что якобы сперва ждал медсестру в изоляторе, а потом полоскал горло.

Дни в школе шли своим унылым чередом: уроки, переделки со сверстниками, прогулки, выпивон. Понедельник-вторник, подъем-отбой. Словом, вроде ничего нового. Иногда, конечно, происходили истории из ряда вон: типа той, когда Маринина зарядила ночной няне в глаз с кулака, а за что, уже и не помню. Да это и не важно. Важно то, что среди одноклассников первое время мне было тошно, и поэтому я общался с ребятами постарше. И мозгов у них было побольше. Но время идет, и вот они все повыпускались. Характер мой закалился, я поумнел (лучше бы наоборот) и стал общаться с одноклассниками, и все бы ничего, да только скучно. И если бы не наша с Артуром дружба, тогда бы точно вся эта рутинная школьная жизнь меня поглотила...

Как можно понять, в школе Артур находился на особом положении и был наделен некоторой властью. Властью, которая отчасти обязывала его быть лояльным школе даже тогда, когда это было лишним. Поэтому как друг я был ему очень кстати. Весь этот коллектив предсказуемых воспитателей, «коллег», работающих друг против друга... Окружение, из которого ему было не вырваться. Это мешало ему жить. И обо всем (хотя не обо всем, конечно) он мог мне рассказать. Исходя из этого мы делали свои выводы, и нам обоим становилось легче.

Но разве он не мог уволиться?

На этом надо остановиться чуть подробнее. Артур, как человек, который практически являлся Атаманом кабинета информатики и был примерно наших с вами лет (ему было тридцать), находился в центре внимания ребят. То есть одинок он не был. По выходным с ребятами из школы он нередко катался в кино или по магазинам или ездил к себе домой. Там, как я потом узнал, у него жила мама. И две кошки: Муса и Дуся.

С людьми он легко находил общий язык, кому-то помогал, кому-то нет. «Я доверяю людям», — говорил он. А еще у него были принципы. Он был очень обязательным, честным перед собой человеком, который интересовался новинками кинематографа и еще... любил думать.

Прежде чем уволиться, надо бы сначала найти новую работу и желательно не хуже этой. Артур это понимал.

«С его тремя высшими образованиями ему-то не найти?» — думал я.

— Ну и как поиски? — спросил я его однажды в кабинете информатики.

— Ничего хорошего, — ответил он уверенно-спокойным голосом Крутого Уокера.

— А почему? Нет интересных вакансий?

— Требования высокие... — Требования, как потом оказалось, были слишком высоки... Поэтому очень хорошо, что не все мы видим будущее. Иначе какой интерес жить?

С другой стороны, какой бы школа ни была — работалось Артура тут не так уж плохо: оператор и инженер ПК, плюс раз в неделю дежурства на этаже и подъем, плюс «урок-замена» в случае необходимости.

— А правда, что Костя сказал типа ты увольняться собираешься?

— Уходить думаю, как ты помнишь, не в первый раз... Здоровье немножко подправлю, летом в Египет слетаю, а там видно будет.

— Круто! — обрадовался я за него. — Но ты смотри, я же в этом году выпускаюсь, а еще в октябре у «Paradise Lost»^{*} новый альбом выходит, так что я буду рад с тобой встретиться.

— Где?

— Хоть где: в Питере, или к тебе туда приеду.

— М-м-м. В августе я буду работать на вахте плюс ко всему, приезжай, конечно! Там разберемся...

На том и порешили... Но решить можно все что угодно, а происходит не обязательно так, как нам хочется. И всегда что-то одно.

* *Paradise Lost* (с англ. — «Потерянный рай») — метал-группа из Великобритании, основанная в 1988 году. Общепризнанной является точка зрения критиков, согласно которой музыканты являются зачинателями стиля «Gothic Metal», под которым понимается мелодичный «дум-дэт» с вкраплениями клавишных и женских вокальных партий. Всерьез повлияли на музыкальное становление таких групп, как Katatonia и Anathema (равно как и на творчество ранних The Gathering). Имеется в виду альбом 2009 года.

Алексей, словно очнувшись, посмотрел на людей вокруг себя, убедился, что его слушают, и продолжил, выдержав паузу:

— Нет смысла грузить вас лишними событиями, поэтому сразу представьте, что наступила весна. И тут начало происходить то самое, из-за чего весь мой треп становится необычным: в парке неподалеку от школы убивают школьную инструкторшу ЛФК. Как нам было сказано — банальная кража денег. Спустя пару недель по дороге на станцию попадает под машину наша математичка, но не насмерть, а выживает.

Потом Гриша, нормальный здоровый мальчишка, хулиганистый слегка — вешается в этом самом парке на березине. Вот что видел, то видел — сам смотрел, как его снимали... В кармане нашли записку. Точного содержания не знаю, но смысл такой: «ухожу из жизни, ибо этот мудака физрук меня изнасиловал». Какие у меня этому доказательства? Да никаких. Но что произошло — то произошло. Впрочем, общий слух о написанном подтверждает то, что физрука уволили на следующий же день. На него бы точно не подумал... Уж не знаю, что потом с ним стало... Я ведь не зря начал с разговора о гнетущей школьной атмосфере. Понимаете, она... как живая, что ли.

Случайность это или нет, или в парке дело, но сам по себе он меня пугал с самого начала. Все эти деревья, коряги и тропинки... Неуютно мне там было. А с другой стороны — в Питер нужно, в школе сидеть сил нет, да и выпускной скоро — вот и ходил парком. Иногда и вдоль шоссе, но скоро понял, что одно и то же чувство страха со мной как тень, где бы я ни шел. И да, это не мания преследования — в городе, в гостях у друзей или дома меня отпускало, будто и не было ничего. — Он говорил все быстрее и быстрее, постепенно теряя спокойствие:

— А в январе до всех этих событий я лежал в больнице со сломанной ногой. Катался в инвалидной коляске, общался с ребятами, весело проводил время. Узнавал новое, начал писать стихи. Созванивался с Артуром, познакомился с девушкой, с которой достаточно тесно потом общался и всякое такое. Что вам нужно знать, так это то, что однажды ночью (когда я еще лежал в больнице) мне приснился сон. Настолько яркий, четкий, необычный и реальный, что я не мог его забыть, проснувшись. Даже если бы захотел. Сон был та-

кой: я вижу вахту, стенд с надписью: «ЭТО АКТУАЛЬНО» с информационными листками и всякой фигней. И тут замечаю, что к нему прикреплена какая-то фотография Артура, причем явно распечатанная на принтере. Удивляюсь, что бы это значило, но ответа не нахожу. Потом какие-то еловые ветки, и тут вижу незнакомое мне место. По памяти: вроде лето, светло, несколько автобусов. Дорога, и угол незнакомого мне дома. По высоте здания понимаю, что этажей шесть или восемь. Много людей, и их все больше и больше. Какой-то ящик. Все это я вижу издалека. На этом сон заканчивается, и я просыпаюсь.

Пару дней ломал голову — неужели мне снилось, что Артур умер? Потом оставил это сновидение в покое. Он же жив. Не буду ему об этом говорить. Пришло время возвращаться после выписки из больницы. Далее вынужденное расставание с девушкой, родной город которой не Питер, а Кисловодск, и затем — мое возвращение в интернат. Все очень закономерно, поверьте на слово. В каждом событии есть смысл, даже если мы его не видим.

С Артуром общаться мы продолжили как ни в чем ни бывало, пару раз ночью играли с ним и с мальчишками в «Warcraft III», заказывали себе пиццу и неплохо проводили время. Параллельно я сознательно стал с ним говорить о религии — интерес к разговору был искренним, как всегда, но мне хотелось как-то приобщить его к вере, духовно его развить, что ли. Переживал я о нем. Так или иначе — мне это удалось. К тому же, начиная с февраля к нам в школу приходил проповедовать батюшка. Алексей его звали, как меня. Я посещал его проповеди каждый раз, и Артуру, конечно, становилось все интереснее и интереснее — «а что если реально ТАМ что-то есть и не всегда надо руководствоваться логикой?» У него появились вопросы, ну и в итоге пару таких мероприятий мы посетили вместе.

К этому моменту произошли уже известные вам весенние происшествия. И где-то в это время Артур внезапно лег в больницу. В Питере, подлечиться. Он и раньше так делал, но в этот раз на фоне всей этой «чумы» мне показалось, что больше я его никогда не увижу...

Вместе с этим весной произошло еще кое-что.

На этот раз хорошее. Ведь не бывает так, чтобы все было плохо, верно?

Школой был нанят плиточник, потому что понадобился ремонт кабинета кулинарии. Прежнюю мебель и прочие предметы вынесли, и парень лет двадцати пяти прекрасно делал свою работу на данном ему объекте. Мы с ним сдружились. Стали общаться так же хорошо, как с Артуром, но за меньший период времени. Ну, не суть.

Звали его Олег. На время работы он проживал за задним двором школы, там, где находились гаражи. В одноэтажке, больше похожей на казарму. В соседней такой же обитал местный сапожник, звали его Юра. А за всеми этими гаражами и казармами находился районный Психоневрологический интернат. Предугадывая ваши возможные вопросы, скажу сразу: нет, там я не лежал.

Так вот. Сам Олежка был родом из России, брат его служил моряком в Мурманске. Брат в России так и остался, а Олег переехал жить на Украину. А через какое-то время отправился в мой родной Питер на заработки:

— Да ну, Леха, это не жизнь! Заколебало! С моим-то опытом и качеством работы я получаю мизер! Меня друзья в Чехию к себе зовут жить, в Украине я получал бы сейчас за каждый квадратный метр больше, чем у этого Вовы. Надо бросать на него работать. Это раньше он платил достойно. А щас — хоть вой, — говорил он мне. Слава богу, через пару лет после всех этих событий он уехал к себе домой. С тех пор больше мы не виделись. А жалко, конечно. Мы с вами сейчас сидим в этой Одессе, дождь не перестает, а он живет в Каховке. Жил, по крайней мере. Таких людей я давно не встречал. Он был очень позитивным, исполнительным, веселым и добрым.

Кстати, я успел познакомить Артура с Олегом...

С этим рабочим у нас немало веселого происходило! В него там одна девочка влюбилась, но это все неважно. Сперва я просто ему помогал чем мог, потом уже начал ходить к нему в гости — по утрам, раньше подъема и по вечерам — в казарму. Сидели выпивали или просто чай пили да общались. Дело развернулось так, что в шкафу того сарая, где он жил, мы нашли мешок с металлом, разбирали его с парой ребят в течение месяца и сдали в итоге в приемный пункт. На вырученные деньги посидели на 9 Мая... Помню, я тогда водку впервые пил, поэтому с пивом мешанул, а потом в березках на заднем дворе долго валялся. Смешно было! Пока пьяный был. Происходящее на трезвую голову таким мне не казалось. И Олегу, как я понял потом, тоже.

Немного о том, как мы к такому пришли.

Пристанище Олега изнутри ничего изысканного из себя не представляло: две кровати, горячие водопроводные трубы, туалет, раковина, шкаф, какой-то мусор, пара стульев, стол и географическая карта. Нас это всегда забавило — видимо, вещам не все равно, где находиться. По обыкновению, после обеда в школе был «тихий час». Понятно, что чем старше мы становились, тем менее хотелось спать, поэтому отмазывались от него как угодно. Или просто занимались своими делами. Я или книжку читал, или уроки делал. Но когда мы обнаружили в том шкафу мешок с этим металлом, повод, который устраивал и воспитателей, и меня, нашелся сам собой.

Для меня были важны не сами эти деньги, которые мы в итоге получили за свой труд, а общество Олега. Вместе с нами в этом деле присутствовало еще два паренька — Саша и Тема. Тема оказался хитрым гопником и однажды разворотил дверь в комнату Олега, взяв у него без спроса ключи от казармы («Что он этим хотел сказать? Что он Рембо!?» — воскликнул мне на это Олежка, когда увидел, что с ней стало). Артема мы неплохо тогда отпинали, и больше он с нами не водился. А про Санька не скажу ни плохого, ни хорошего.

Металл разбирали все свободное время. Нам это действительно нравилось. К тому же успевали и выпить, и на объекте поработать, и уроки сделать. Словом, все было гармонично. Об Артуре я не забывал, и в один из тех вечеров позвонил ему, сидя в своей спальне.

Поговорили буквально минуты две. Я рассказал ему, что пишу стихи, которые все лучше и лучше, поинтересовался о его здоровье и сказал, что хочу на днях к нему приехать в гости. «Я не знаю, наверное, меня к тому моменту уже переведут», — сказал он. Так что мы договорились созвониться попозже. Напоследок он сказал мне, что я молодец и, цитирую: «параллельные миры — реально». Либо — побывал, либо — поверил в Бога. В любом случае я за него обрадовался, да и мне удалось совершить задуманное!

На следующий день все было спокойно. Первые два урока. На третьем, на уроке истории, нам сказали, что Артур умер. Во сне. Перед этим те люди, кто ему звонил, говорили, что ему все хуже, и вот такая вот логичная и неприятная концовка.

Помню, как я удивился. Сразу начал вспоминать сон. О чем еще думал, уже не скажу с уверенностью, но точно — не об истории СССР...

Спустившись после истории на первый этаж, чтобы пойти в столовую на второй завтрак (не потому, что есть хотелось, а по привычке), я посмотрел на информационный стенд. Надо ли говорить, что то, что я увидел в так запомнившемся мне сне, *совпало в точности* с тем, что я увидел своими глазами. Кстати, к стене был приставлен маленький круглый деревянный стол, на котором лежал декоративный венок из еловых веток. Этого стола во сне я не видел, и поэтому наличие веток мне казалось странным.

Знаете, я думаю, что четыре вещи показывают истинное лицо любого человека — смерть друга и его к этому отношение, сильная пьянка, любовь и какая-нибудь кризисная и опасная для жизни ситуация. Вот эти четыре момента и показывают нам, с кем мы общаемся. Не скажу, что кому-то полегчало, когда Артура не стало, но некоторые не то чтобы очень расстроились.

Ну да ладно. Все остальные события складывались так, что на похороны своего друга попасть я никак не мог: был составлен список тех, кто на них побывает, и меня там не оказалось. Я недоумевал — ведь во сне я видел похороны — теперь ошибки быть не может. Сон воплощается в реальность. «Значит, это было Видение?» — спрашивал себя я.

Вечером того же дня ответ был найден. Мой одноклассник, Олег Щ., вечером сказал, что договорился с Николаевичем, чтобы я тоже поехал на похороны друга. Причем завуч сам обо мне вспомнил, узнав, что мы близко общались с умершим.

Когда пришло время, двинули на похороны. На школьных автобусах. В Кингисеппе нас ждали еще несколько — но это были одноклассники Артура и его родные. Кто-то ехал туда своим ходом, из морга.

Всю дорогу я смотрел за окно: чем ближе к месту назначения, тем трава зеленее и небо — безоблачнее. Со стороны все это выглядело довольно абсурдно. Когда выходили из автобуса, я увидел вторую часть Видения наяву. Сон полностью сбывся.

Простившись с другом, мы отправились в его родную школу, в которой он отучился несколько классов, на поминки. Я познакомился с его одноклассниками и знакомыми. Общались, произносили речь... Пил, не обращая ни на кого внимания.

Вернулись в интернат к одиннадцати вечера. Впрочем, циферблат штука коварная. Никогда не верьте стрелкам на своих часах до конца.

Я помылся и пошел спать.

Знаете, я до сих пор не могу объяснить, как со мной произошло то, о чем я вам говорю, но после того дня не могу отвыкнуть от ощущения, что каждый раз, когда я просыпаюсь, я просыпаюсь не по-настоящему, а только от «сна во сне», как Ди Каприо в том фильме...*

Наутро я просыпаюсь оттого, что одна тетка... по правде старуха, воспитательница чужого класса... — мужчина на секунду умолк, взглянув на пожилую женщину, обратился к ней со словами: «Вы, наверное, считаете меня циником? Не хотел вас задеть» и продолжил. — Да мы все просыпались от ее воплей... Все крыло! Оттого что она орала раньше времени свое: «Мальчики, встаюм, пойдём». Пять минут сна погоды не сделают, это ясно, но настроение было испорчено у всех нас на несколько часов минимум — это точно. В итоге мы ее материли, она злилась, и в следующий раз все повторялось. Все это как замкнутый круг. Вся моя история. Пр-осто *это* поймите... — сказал он, сглатывая комок и справляясь со своими эмоциями.

Подруга той умницы, которая рассказала собравшимся о том, что такое метафизика, протянула говорящему стакан лимонада, он выпил и как ни в чем ни бывало продолжил рассказ:

— Нас в спальне было семеро пацанов, я уже толком и не помню. И вот мы все проснулись, а она в дверях стоит и что-то нам «втирает». В голове крутится ее тирада: «Я сиротам помогаю безвозмездно! Вашей Маше, например! А смысл мне это делать?» И был такой парень, Никин Дима. Так он ей и говорит: «Чем вы ей помогли? Таблетку от молочницы купили?» Мы все как давай хохотать. Ну в итоге сходили на так называемую зарядку, на второй этаж в физкультурный зал, которая обычно длилась минут десять. И польза от нее, честно, сомнительная. Потом умылись, пошли накрыли на стол. Самое обычное утро. Завтракаем... И тут я им говорю:

— А жалко все-таки, что Артур умер, правда?

А они:

— Ну да, жалко. А о ком ты вообще?

— Как о ком? Артурчик... На днях же умер. Чем вы шутите, на-

* X/ф «Начало», 2010, реж. К. Нолан.

род?! — вопрошал я, понимая, что со мной начинает происходить что-то странное. Голова кружилась точно.

— Ильин, ты сколько вчера выкурил?

Хохот. Я бью однокласснику в глаз, он рыпается на меня. В общем, нас разнимают. Оскорбления, как обычно. Успокоились.

Выходя из столовой, говорю:

— Пойдемте, посмотрим с вами. Фотку-то еще не убрали, — зову я их с собой к стенду, а подойдя к нему вижу, что ошибаюсь. На стенде не было и в помине никаких фотографий Артура. Ничего с ним связанного. Ни упоминаний о дате его смерти, ни слова сожаления о его утрате.

Может, я все это придумал? А единственное опасное сомнение — это сомнение в самом себе...

— Ну ты, Лех, точно идиот! — вынесли мне вердикт мои товарищи и пошли по своим делам. Я же этим не удовлетворился. Сердце билось как никогда раньше учащенно, в глазах потемнело, и тут меня стошнило. Прямо на вахте. Возле парадной лестницы. Доковылял кое-как до изолятора. Объяснил, что что-то не то съел, и неважно себя чувствую. Мне поверили и положили полечиться. Сказал бы правду — положили бы в другое место... Психбольница называется. Да и какая она — правда? Артур — такой реальный, как я сам, не существует? Что за чушь! Я не мог и близко подпустить мысль об этом. Что еще тогда было не правдой? Была ли у меня сломана нога? Существует ли Олег? Кто тогда настоящий компьютерщик в школе? И вправду ли произошли все эти жестокости в парке и около него?

Эти вопросы меня страшно изводили. Напрямую спрашивать у одноклассников не мог. Поэтому я начал звонить другим своим друзьям, помладше классом. Для них я был кем-то вроде бога, они меня любили, и я был в них уверен. Саша был одним из таких. Сейчас его уже нет, к сожалению, в живых — умер от рака, но тогда он с удивлением и охотой ответил на все мои вопросы.

Да, мол, правдой было все, кроме Артура. Типа, за компьютерщика у нас Николаевич. И нога у меня, слава богу, срослась. И в парке все происходило на самом деле. Я, видимо, перенервничал после этого. «Тебе же скоро экзамены сдавать», — так он мне сказал. Сказал, чтоб я не грузился, и в итоге дал понять, что вечером меня навестит.

Навестил. Но это не относится к делу. «А если эпизоды из парка реальны, если у меня поломанная нога, тогда наоборот — Артур

тем более реален! Ведь он ходил с нами в парк в то время. И когда я лежал в больнице, мы с ним созванивались», — думал я. «Или может, все это — один гигантский, невероятный сон? Все эти дни, беседы, то, что я познакомил Олежку с ним?»

Выйдя из изолятора, я направился к Олегу. Олег, — говорю, — так и так. Смеяться он бы не стал и в психушку сдавать меня тоже. Вот и рассказал ему все как есть. А он матюгнулся и говорит: «Леха, ну конечно я его ВИДЕЛ!» И как только до нас с ним дошел смысл его слов, стало не по себе.

Оказалось, Артура он действительно видел и знал о нем и его похоронах все, что знаю я. И про то, что его похороны мне снились, и что этот сон сбылся. Сбылся, а Артур лежит в земле на одном из кладбищ своего родного города.

Обсудив произошедшее, мы подумали: значит, мы прогнозируем собственное поведение не только в обычной жизни, но и во снах такое предвосхищение тоже возможно. Время в них пластично, и когда мы спим, это заметно с особой отчетливостью.

Верное мы нашли объяснение или нам просто кажется?

Всю оставшуюся неделю я продолжал искать аргументы и контраргументы к обеим версиям происходящего. Быстро вымотался, зашел в тупик и признал поражение. Потом начались экзамены, вся эта суматоха... Выпускной... И где-то уже после экзаменов, но еще до выпускного меня осенило — а что если спросить еще у Николая с вахты? Он же нормальный вроде мужик. Да и компьютер когда покупал не так давно — с Артуром (если он, конечно, реален) консультировался насчет данного приобретения.

Дождавшись его смены, я отправился к нему и буквально выбил из него правду. Олежек был со мной, и вечером, когда мы были на вахте совсем одни, Коля просто произнес несколько фраз:

— Конечно, я его видел. Мне было сказано молчать, иначе я потеряю эту работу. А я идиот — нет чтоб сразу уволиться, прикипел да остался. С призраками на вахте трепаться.

Затем он от нас отмахнулся. Мы не ушли, и он сказал, что Артура видит еще один человек — школьный главный врач. Весело, правда?

Прежде чем я завершу свою историю, дайте мне сказать вот что. Мне кажется, мы спасаемся от непонятного бегством, когда считаем, что хоть в чем-то можем быть уверены. Опираемся на науку, на факты, на здравый смысл. Прогнозы погоды, гороскопы,

газеты, близкие люди. Но как я для себя понял — нельзя быть уверенным ни в чем. Даже в том, что мы здесь и сейчас сидим вместе с вами. Все, что у нас есть, — это мнения, вера и личный опыт. И мы можем только считать, что уверены в чем-то. И это будет самое правильное.

А сбывающиеся сны о будущем мне так и снятся до сих пор. К примеру, самое свежее из приснившегося мне заранее, — это тот мужик, который вышел из комнаты отдыха, сказав, что моя история — это рождественская сказочка для детишек... Если так, спасибо, что выслушали! — Алексей поднялся из-за стола, хлопнув себя по коленям.

— Пойдите, ну а что было дальше? Что сказал главврач? К чему вы сами склоняетесь? — начала засыпать его вопросами пожилая дама.

— Ох... Ну если вам интересно... Артура я больше не видел. Думаю, все, что ему было нужно, — это дружба. Полагаю, когда он умер во второй раз, то как духовное существо наконец освободился от своеобразного школьного рабства и перенесся в мир иной. По крайней мере, теперь я уверен, что за Гранью есть что-то еще.

— Так, а главврач? — спросил парень.

— Мы решили оставить с Олегом в покое все как есть. Но не получилось. Кулинарию он ремонтировал несколько месяцев, почти полгода. Работал на совесть и, если бы не моя помощь, в одиночку. То есть я уже выпустился, а потом приехал к нему в школу, и как-то все само собой обнаружилось. А именно: мы знали, что нужный нам доктор являлся супругом директрисы школы. Ну и однажды он зашел посмотреть, как идут у Олега дела с ремонтом... а тут появляюсь я. Каким-то местом Олег понимает меня и говорит нашему Айболиту: «Валерий Михайлович, а пойдете-ка выпьем вторым?» Ну и он не отказался, и в итоге мы заперлись до вечера в той самой кирпичной каморке и так его напоили, что он не мог нам не ответить на все наши неудобные вопросы.

— И в чем же разгадка? — спросили в голос две девушки.

— В том, что когда главврач пришел сюда на работу. То есть не сюда, а в интернат, извините. Когда он туда пришел, его будущей супруги там еще не было. Они и в глаза-то друг друга не видели. Но потом в школе появился новый мальчик... Угадайте кто? Тот самый Артур, верно! Мальчик рос, рос. И вот когда он пошел в восьмой

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru